

Общественные корни „современной войны“ въ Германіи.

Каждый историческій моментъ имѣетъ свои характерныя черты, свой особый укладъ жизни, свою философію, отличную по характеру отъ философіи другихъ эпохъ. Послѣднія имѣютъ свой тонъ, отличающій одинъ моментъ исторіи отъ другого. Мысль каждаго индивидуума въ такую эпоху приобретаетъ свой субъективный національный колоритъ, доминирующий въ сознаніи индивидуума. Наука искусство, все проявленія жизни окрашиваются въ особый цвѣтъ характерный для эпохи. Этика народовъ—это цвѣта радуги, красивымъ переливомъ въ небѣ, какъ на негативѣ, въ стройномъ сочетаніи тоновъ отражаясь на свѣтло-голубомъ солнечномъ небосклонѣ, привлекаетъ вниманіе молодого поколѣнія, которое съ вождельніемъ смотреть, усиленно напрягая вниманіе, чтобы не пропустить ничего, что можетъ дать ему историческій моментъ, наука, мораль и пр. Дѣйствіе этихъ лучей радуги жизни на молодую, созидающуюся душу велико. Человѣкъ—сынъ

своего времени—этого отрицать нельзя. Атмосфера, въ которой воспитывается человѣкъ, симпатіи общественныхъ теченій мысли, кладутъ сильный отпечатокъ въ душѣ нарождающагося новаго гражданина. Слабое, мягкое, какъ воскъ, самосознаніе, очень быстро подчиняясь вліянію сильныхъ волей, импонируютъ часто не столько силою своего ума и благородства, сколько внѣшностью, приёмами жить и разсуждать. Въ средѣ этихъ вліяній и формъ жизни встрѣчаются элементы, отрицательный характеръ которыхъ сильнѣе захватываетъ и увлекаетъ юное сознаніе, создаетъ особую „дикую“ этику, которая неизбежно должна привести къ паденію національной мощи и силы.

Національное движеніе въ Россіи, вызванное Германіей сначала угрозой войны, а потомъ и самой войной превратилось въ цѣлое стихійное движеніе, которое приобрѣло могущественнѣйшее вліяніе на всѣ стороны нашей общественной жизни, дало новый тонъ жизни, отличный отъ жизни до войны съ Германіей. Говорить о этой новой жизни мнѣ кажется излишнимъ. Каждый изъ насъ живетъ этой жизнью, каждый переживаетъ вліяніе общаго движенія въ сторону славянскаго содружества и гордится нахлынувшими новыми чувствами и идеалами. Націонализмъ, зародившійся благодаря войнѣ Германіи съ Россіей и тройственнымъ согласіемъ, выступаетъ не какъ противолиберальное движеніе, а какъ охранительное, повышенное сознаніе своего я. Націонализмъ 1914 года не есть что либо новое неожиданное, а потому модное. Въ основу націонализма 1914 года положены идеи славянофиловъ 60-хъ годовъ, получившія теперь болѣе острые формы. Славянофильское движеніе, „зародившееся“ въ первую Балканскую войну и вырвавшееся изъ кабинетовъ ученыхъ и общественныхъ дѣятелей, рѣзко заявило о своихъ правахъ на полное гражданство. Въ настоящее время настойчивѣе и настойчивѣе говорятъ объ укрѣплении славяно-русскихъ отношеній и освобожденіи Россіи

отъ тевтонскаго ига, о созданіи національной, родной, русской политической и экономической жизни. Въ каждомъ государствѣ гордостью гражданина является высокой подъемъ патріотическихъ чувствъ, и національнаго самосознанія. Однако къ сожалѣнію въ Германіи, отъ чего спаси насъ Богъ, націонализмъ, какъ и многія другія естественныя стремленія, утрируется и искажается крайностями того же націонализма. Въ царствѣ тевтоновъ націонализмъ возведенъ въ значеніе нравственнаго императива, искажающаго истинное значеніе идеала національнаго движенія и безусловно вреднаго для народа, никогда неоправдывающагося нравственно-христіанскими идеалами.

И вотъ результаты проповѣди милитаризованнаго націонализма, подмѣниваго истины Евангелія, свободныя и высшія, субординированными, не замедлили явиться воочию во всей своей красочности. Весь міръ полонъ рассказами о нѣмецкихъ жестокостяхъ, отъ которыхъ порой чернѣтъ на душѣ и не мила становится жизнь. Грубость и жестокость нѣмцевъ, когда то руководившихъ культурой и политическою жизнью народовъ, къ голосу которыхъ многіе внимательно прислушивались, не желая опустить ни одного звука, ни одного мотива изъ горделивой пѣсни тевтона, теперь оттолкнула ихъ отъ народовъ всего свѣта, заставивъ ужаснуться самыхъ грубыхъ и закоренѣлыхъ преступниковъ. Впечатлѣнія отъ этихъ жестокостей не поддаются описанію. Подвиги швабовъ, морализированныхъ на свой манеръ милитаристическою политикою, теперь противопоставляютъ чингизъ-ханамъ, тѣмъ варварскимъ, дикимъ временамъ, когда насилія въ завоеванной странѣ надъ мирными жителями считались геройствомъ, похвальнымъ удалъствомъ, когда трофеями побѣды считались не знамена, пушки и плѣнные, а число красивыхъ женщинъ и кубки вина. Время съ тѣхъ поръ очень много. Измѣнился человѣкъ, измѣни-

лась природа, воздухъ; эволюція жизни прошла много фазисовъ развитія. Казалось бы, что все азіатское кануло въ вѣчность и, что ужъ оно больше не воротится. Народъ вздохнулъ свободно. Ему уже не страшны были войны, не страшна ему была смерть честная въ равномъ бою. Но—это была, къ великому прискорбію всей цивилизаціи, только галлюцинація. Это былъ обманъ, злая иронія кучки швабскаго засилія надъ лучшими чувствами и желаніями всего міра. Мы ошиблись. И вотъ теперь предъ нами снова воскресли приемы войнъ V и VII вѣковъ со всеѣми ужасами и послѣдствіями.

Всмотритесь въ лицо этому ужасу и вы увидите: самый образованный изъ европейскихъ народовъ, полвѣка назадъ побѣждавшій народы своей школой, массой ученыхъ и образованныхъ людей, своими университетами, литературой, философіей, безспорно имѣющей гегемонію и занимающей почетное мѣсто въ наукѣ, народъ богатый и работоспособный, насчитывающій цѣлую треть (въ государствѣ, а слѣдовательно и въ арміи) социаль-демократовъ—вдругъ обнаруживаетъ такой звѣринный образъ. Странно и даже дико: изъ подъ маски цивилизованности и научности глянула такая некультурность, неблагородство и духовное убожество. Гдѣ же культурная мощь, достоинство интеллигента „фона“? Культура, съ которой всеѣмъ надоѣдали нѣмцы, подлинно-ли культура или только дрессировка, критерій годности или негодности быть солдатомъ Вильгельма?—Къ великому сожалѣнію, кажется, придется согласиться съ послѣднимъ. Мѣщанство, которымъ заявила себя германская культура, въ данномъ случаѣ является лучшимъ показателемъ ихъ духовнаго убожества, культурнаго нищенства, которое они пытались въ теченіи полустолѣтія искусно замѣнять дрессировкой. Ко Л. Н. Толстому, рассказываютъ, пришла за совѣтомъ одна крестьянка, которая, между прочимъ, спросила Льва Николаевича: отдавать ли сына учиться

въ школу? Толстой на это отвѣчалъ, что если у тебя сынъ дуракъ, то не для чего его и учить—все равно дуракъ будетъ; если отдашь учиться дурака, такъ сынъ у тебя будетъ дуракъ не простой, а набитый. Мысль Л. Толстого ясна. Наука не дѣлаетъ человѣка умнѣе, а дѣлаетъ только развитѣе, что и случилось, мы видимъ, съ нѣмцами. Произшедшіе отъ грубаго, дикаго племени, варваровъ въ буквальный смыслъ слова, нѣмцы такъ и остались варварами, набитыми бумажнымъ хламомъ и остатками, крохами науки, падающей со столовъ изъ кабинетовъ отдѣльныхъ великихъ людей. Германія сдѣлала въ послѣднее ХІХ столѣтіе колоссальный успѣхъ, подчинила своему вліянію почти всѣ народности. Жизнь Германіи прогрессировала быстро, но еще быстрой слѣтѣла ихъ дутая культура и обнажила все того же древняго, дикаго тевтона. Всѣ наслоенія культуры сползли какъ амальгама съ оловяннаго двугривеннаго, и воочію явили опасность и цѣну вліяній германизма, ихъ науки и искусствъ.

Причинъ, подготовившихъ „гуманитарную войну“ нѣмцевъ съ славянскими народами, очень много. Если углубиться и внимательно прсслѣдить исторію ихъ культурнаго и политическаго роста, то мы найдемъ достаточный матеріалъ, точно опредѣляющій корни, природу ихъ звѣрствъ и цинизмъ варварскаго отношенія къ мирному безоружному населенію.

Въ настоящихъ наброскахъ я разсмотрю двѣ стороны ихъ жизни, неизбѣжно приведшія нѣмцевъ къ дикой развязкѣ, грубому насилию и издѣвательству, какъ наиболѣе яркія и симптоматичныя; это—литературный и религіозный индефферентизмъ.

Эгоизмъ грубый и циничный,—самая страшная болѣзнь древнихъ народовъ,—процвѣтавшій въ свое время среди дикихъ народовъ Азіи и теперь притаившійся въ странѣ Байрона, Шопенгауера, Гегеля и др., гордости

нѣмецкой націи, заклеившій и опозорившій эти великія имена, въ конецъ испортилъ и подорвалъ довѣріе къ цѣлой націи. Байронъ и Шопенгауеръ, эти пѣвцы „мировой скорби“, а въ послѣднее время Ницше, заслонившіе своею философіею идеи, которыми жилъ XVIII вѣкъ, и проникшею во всѣ уголки народнаго самосознанія и творчества, теперь достигли крайняго развитія, которымъ обычно начинается болѣзнь. Индивидуализмъ провозглашенный Байрономъ, Шопенгауеромъ и др. постепенно вытѣснялъ идеи равенства и братства, заслоняя послѣднія новой, увлекающей сознаніе доктриной личнаго счастья, личной выгоды, долженствующей переродить и возсоздать утопичныя теоріи XVIII вѣка. Личность выступила съ откровеннымъ требованіемъ: не хочу быть такою, какъ другія, походить на всѣхъ, на обычный типъ людей по шаблону. Жизнь ради общихъ интересовъ, ради удобствъ жизни ближняго, была заклеимена именемъ мѣщанства; традиція сдѣлалась ненавистнымъ игомъ. Въ Германіи заговорили о внутреннемъ самоусовершенствованіи, путемъ индивидуализаціи порывовъ и стремленій человѣческаго духа. Однако уродливая философія индивидуализма, однобокая и черствая, безъ Христа, въ концѣ концовъ вылилась въ грубую форму милитаризма, нынѣшнюю войну, пропитанную цинизмомъ и зоологическими порывами, возмутившими весь міръ, все культурное и цивилизованное. Формы, въ которыя вылилась культура нѣмецкой школы на войнѣ, — своего рода футуризмъ, который своими дикими олицетвореніями, кристаллизаціей, какъ крайнее и послѣдовательное примѣненіе индивидуалистическихъ идей ко всѣмъ отраслямъ жизни, поражаетъ народъ своими выходками и безобразіями, каковыми славятся всѣ „ученые“ собранія нашихъ футуристовъ. Футуристы не хотятъ говорить и одѣваются такъ, какъ говорятъ и одѣваются всѣ люди, они создаютъ свою литературу, свой языкъ пренебрегая и разрушая,

не щадя часто лучшихъ порывовъ своихъ сородичей, все культурное, приобретаемое долгими усилиями и цѣлыми вѣками. Они ищутъ оригинальное, пренебрегая „толпой мѣщанъ“, не останавливаясь при разрѣшеніи „научныхъ проблемъ“ окончить споръ въ свою пользу при помощи кулачной расправы.

Если немного всмотрѣться въ жизнь нѣмцевъ, въ ихъ жизни мы найдемъ всѣ симптомы скрытаго футуризма. Стоитъ немного присмотрѣться къ послѣднимъ событіямъ и мы увидимъ, что имѣемъ дѣло не съ культурой нѣмцевъ, а футуризмомъ, гнуснымъ и дикимъ милитаризмомъ, который есть не что иное, какъ наименованіе футуризма. Нѣмецъ издѣвается надъ беззащитными, насилуетъ женщинъ, разстрѣливаетъ дѣтей, — какъ истый футуристъ, безсильный убѣдить противника словомъ и логикой, старается доказать справедливость своихъ положеній при помощи кулака. — Вспомните „ученые“ вечера футуристовъ въ Москвѣ, ихъ разсужденія при посредствѣ кулачной расправы съ противниками, ихъ желаніе оскорблять, собравшуюся послушать ихъ и „поучиться“ у нихъ публику, безъ причины называя ихъ дураками, а нашихъ классиковъ, о которыхъ часто шла рѣчь въ ихъ заведеніяхъ, бездарностями и пр. Проведите параллель между футуризмомъ и милитаризмомъ нѣмцевъ и вы найдете точки соприкосновенія между тѣмъ и другимъ, установите ихъ родственную связь.

Грубый эгоизмъ естественно руководилъ правящими классами въ Германіи, когда былъ отданъ приказъ уничтожать все, что прямо или косвенно воспрепятствуетъ военнымъ операціямъ германцевъ. Солдатъ дѣйствительно усвоилъ себѣ этотъ приказъ и „геройски“ исполняетъ свой долгъ,

„Добро считая зломъ“.

Вторая причина ворваризма нѣмцевъ — ихъ религіозный индефферентизмъ. Безвольное и слабохарактерное

протестантство, замѣнившее собою недопускавшее субординаціи государственной власти католичество, занявшее господствующее положеніе въ Германіи, не замедлило явить благіе результаты. Протестантство, гордое своей свободной молитвой, въ ученіи о Богѣ, въ совершеніи таинствъ, открыло свободный доступъ въ ихъ интернаціональный храмъ всѣмъ, вѣрующимъ всѣхъ исповѣданій и сектъ и всѣмъ открыто и тайно враждебно настроеннымъ къ Христу и Его Евангелію. Кадръ пасторовъ, часто не вѣрующихъ въ Христа—Бога, естественно деморализующимъ образомъ дѣйствуютъ на душу христіанина-протестанта. Свободное обращеніе съ книгами Св. Писанія и пренебреженіе къ Св. Преданію сдѣлало церковь субординаціональной государству, которое постаралось Св. Писаніе истолковать и использовать въ пользу своихъ надобностей, а усиливающийся милитаризмъ уже открыто заявилъ о своемъ пренебреженіи къ заповѣдямъ Христа Спасителя о любви и мирѣ и состраданіи. Результатомъ кощунственнаго отношенія милитаризма къ Св. Писанію и явилась современная „культурная“ война со всѣми ея ужасами. Протестанты, воспринявшіе съ млекомъ матери неуваженіе къ Св. Писанію, къ Евангелію Христа, и теперь не желаютъ считаться съ ихъ требованіями. Да и что такое Св. Писаніе, съ которымъ нужно было-бы считаться, когда дѣло идетъ о жизни цѣлаго государства и о удовлетвореніи зоологическимъ потребностямъ нѣмца? Въ самомъ дѣлѣ, Евангеліе для нихъ: услужливый рабъ, ободряющій и благословляющій всякаго рода моральныя и антикультурныя, но пріятныя милитаризму поступки. Св. Писаніемъ стараются оправдать всѣ звѣрства, всѣ злодѣянія и самую войну, начатую нѣмцами для удовлетворенія страсти офицерства, и самолюбія нѣмецкой дипломатіи. Власть предъ закономъ не отвѣтчица, а въ св. Писаніи сказано: „влаstemъ подлежащимъ повинуйтесь“. Войну, по мнѣнію Вильгельма, вызвала Россія. Германія при-

нуждена была защищать свое государство отъ вторженія русскихъ дикарей и... главныя силы направлены были на Францію?! Германія вся, какъ одинъ человѣкъ, должна была пойти и начать священную войну, защищая свое отечество отъ коварнаго врага. Честолюбіе требовало удовлетворенія, а гордая осанка Вильгельма—власти. Россія на выстрѣлы Австріи по Бѣлграду, отвѣтила мобилизаціей. Властолюбивому Вильгельму не понравился шагъ Россіи, которой и было предложено въ 12 часовъ демобилизовать армію и тѣмъ отдать Сербію на съѣденіе кровожадной Австріи. Честолюбивая мечта Вильгельма повелѣвать и распоряжаться судьбами государствъ однако не осуществилась. Армія демобилизована не была и—Вильгельмъ объявилъ военное положеніе. Ученія Св. Писанія о смиреніи, о любви для честолюбиваго Вильгельма не существуютъ. Св. Писаніе, Церковь, вѣрный рабъ Вильгельма, возвысить своего голоса не могли; не могли уже въ силу того, что не только церковь, но весь нѣмецкій народъ былъ обманутъ, отъ него было скрыто истинное положеніе дѣлъ. Въ народѣ пропагандировали ложныя свѣдѣнія о русской дипломатіи, о русскомъ народѣ, обманувшемъ довѣріе нѣмецкаго народа и напавшаго на него безъ объявленія войны. Себялюбіе было провозглашено императивнымъ; однако во всемъ Св. Писаніи мы нигдѣ не найдемъ заповѣди о любви къ самому себѣ. Христосъ Спаситель сказалъ: „возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“. Но сколько бы мы ни вдумывались въ эти слова Спасителя, заповѣди о любви къ себѣ мы не найдемъ. Въ словахъ Спасителя дана заповѣдь о любви къ ближнему; только эта заповѣдь ориентирована отъ естественнаго чувства любви къ себѣ. Любовь къ ближнему есть подвигъ, задача которую необходимо долженъ исполнить каждый, любовь же къ себѣ есть постоянно осуществляемое естественное движеніе, которое нѣмцами возведено въ догму въ явный ущербъ первому. Отсюда и

любовь къ своей національности, о чемъ особенно заботился Вильгельмъ, не можетъ быть нравственнымъ императивомъ, заповѣдью, священной для соотечественника. Значеніе заповѣди національная любовь можетъ получить только въ любви и справедливомъ отношеніи къ другимъ національностямъ. Конечно, христіанство — не утопія и не требуетъ естественныхъ національныхъ чувствъ и стремлений, и Христосъ вѣдь пришелъ, прежде всего, къ погибшимъ овцамъ дома Израилева, но съ другой стороны тоже христіанское откровеніе говоритъ, что на эти слова нельзя смотрѣть какъ на заповѣдь. Значеніе заповѣди скорѣе имѣютъ слова ап. Павла, что въ церкви Христовой „нѣсть Еллинъ, ни іудей“. Этотъ принципъ христіанскихъ отношеній между народами и былъ „забытъ“ въ Германіи. Политическое равновѣсіе и было нарушено именно въ тотъ моментъ, когда Вильгельмомъ было отдано предпочтеніе личнымъ отношеніямъ предпочтительно предъ международными. Національное честолюбіе взяло верхъ надъ внутреннимъ голосомъ совѣсти и — законъ нарушенъ. Если бы Св. Писаніе не было искажено въ протестантствѣ, можетъ быть, оно и имѣло-бы какое нибудь значеніе, но теперь ученіе Христа поправлено, и діаволъ торжествуетъ.

Правда, нѣмцы въ мирное время какъ-будто и отдають должное уваженіе личности, но и это, и то отчасти, остается больше на бумагѣ. Положеніе поляковъ, эльзасцевъ въ Германіи самое плачевное, о евреяхъ говорить не приходится. Нѣмцы издѣваются надъ всѣми не нѣмцами, проживающими въ Германіи. Русскій народъ, на средства котораго Германія собственно и сдѣлалась великой, могучей державой, подвергался всюду самымъ сильнымъ оскорбленіямъ и жестокимъ преслѣдованіямъ. Теперь Германія находится на военномъ положеніи съ Россіей, и эти жестокости достигли своего апогея. Говорить о нихъ не приходится. Ихъ знаетъ каждый, о нихъ читали всѣ.

Мѣсто христіанства въ Германіи занялъ „христіаннизированный гуманизмъ“ — и вотъ результаты на лицо.

Мертвая вѣра въ концѣ концовъ обнажаетъ все того же дикаго, страстнаго и озлобленнаго варвара. Но судъ надъ полвѣковой ложью, обманомъ и глумленіемъ надъ вѣрою и заповѣдями Христа насталь.

„Зажглась, друзья мои, война

И развились знамена чести;

Трубой завѣтною она

Манить въ поля кровавой мести!“

(Лермонтовъ).

Четверть вѣка Германія угрожала общему спокойствію, четверть вѣка русскій народъ былъ подъ страхомъ нѣмецкой опасности, принимая тѣни за реальность, и отмахиваясь отъ назойливыхъ швабскихъ мухъ, платилъ въ Германію золотой рукой. Но теперь Россія воспрянула, отрезвѣла и рѣшила дать мощный достойный отпоръ притязаніямъ и нахальству Вильгельма. Россія наконецъ, сознала что и въ ней

...„Есть душа, въ ней есть свобода;

Въ ней есть любовь, въ ней есть языкъ!“...

что и она имѣетъ право на самостоятельное существованіе. У русскихъ гражданъ, должна наконецъ, окрѣпнуть мысль, что Россія есть нѣчто самодовлѣющее, великое, предъ которымъ всѣ „герма—измы“ слишкомъ мелкая единица, которыя должны уступить мѣсто національному и самобытному русскому!

„Дай Богъ, чтобы вѣчно вы не знали,

Что значать толки дураковъ,

И чтобъ вамъ не было печали

Отъ шпоръ, мундира и усовъ!

Дай Богъ, чтобъ васъ не огорчали

Соперницъ ложныя красы,

Чтобы у ногъ вы увидали

Мундиръ и шпоры и усы!“

(Лермонтовъ).

С. П.